

Ищенко Н. Г.,

Национальный технический университет Украины, г. Киев

ОБРАЗНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ КОННОТАЦИИ

У статті розглядається образність як компонент конотації, суміжні з нею категорії: експресивність, емоційність та оціненість, представлені образні засоби, такі як: метафора, алегорія, метонімія, синекдоха та перифраза.
Ключові слова: образність, конотація, метафора, метонімія, синекдоха.

В статье рассматривается образность как компонент коннотации, смежные с ней категории: экспрессивность, эмоциональность и оценочность, представлены образные средства, такие как: метафора, аллегория, метонимия, синекдоха, перифраза.

Ключевые слова: образность, коннотация, метафора, метонимия, синекдоха.

The article deals with the figuration as a component of the connotation and its adjacent categories: expressivity, emotionality and estimation. Figurative means: metaphor, allegory, metonymy and paraphrase are presented in this article.
Key words: figuration, connotation, metaphor, metonymy, allegory.

Компонент “образность” не всеми учеными признается как однопорядковый с компонентами “эмоциональность”, “экспрессивность”, “оценочность”. Такое отношение к образности проистекает, прежде всего, из убеждения, что данный компонент не связан с отражением каких-либо реальных явлений объективного или субъективного характера. Это скорее особый способ представления информации, когда в ней содержится скрытое сравнение, оживляющее наше представление о тех или иных явлениях. Примерами могут быть сложные слова с яркой внутренней формой: *Weltschlaf*, *Maulwurfmethode* или вторичные значения метафорического характера типа *Schwein*, *Esel*, *brüllen*, с грубым оттенком и употребленные по отношению к человеку.

Образность является одним из компонентов коннотации (наряду с эмоциональной оценкой и интенсивностью), порождает экспрессию и поэтому рассматривается в тесной связи с экспрессивностью, которая появляется в речи за счет экспрессивных средств языка. Образность, заложенная в семантике слова, может соотноситься и с категорией оценки: “Образность и оценка не тождественны, но совместимы, особенно на уровне производных значений. Образность, так же как оценочность, не столько сознание, сколько существенный признак самого значения, способ представления значения. В отличие от оценочности образность – категория отражательная” [3, с. 67-68]. С позиций формирования языка образ имеет гносеологическую природу, а в художественном произведении образу присущи прагматические свойства, так как здесь он выступает как средство воздействия на читателя.

Основным средством придания слову образности является употребление его в переносном значении. Легче всего образность слова обнаруживается при окказиональном употреблении, например: *Mundfeuer*. Важнейшими чертами образности в слове являются зрительность (“картинность”) и сравнительная недолговечность. Исходя из связи образности и оценки, выделяются три группы слов. К первой группе относятся слова оценочные, но не образные: *ein guter, schlechter, grober Mann*, ко второй – образные слова, не содержащие в себе положительной или отрицательной характеристик: *Stiefmutter*, *das Herz ausschütten*, *Koordinaten* в значении ‘адрес, местопребывание’. Третья группа слов – это слова, совмещающие в себе образность и оценку: *Küche* ‘в значении скрытой, закулисной стороны какой-либо деятельности’, *ein schlapper Mann* – ‘тюфяк’ о вялом, нерасторопном, безвольном человеке.

Слова “образность” и “образный” используются в стилистике в разных значениях. Образность в широком смысле с позиций языка понимается как живость, наглядность, красочность изображения, является неотъемлемым признаком всякого вида искусства, образность речи – частное ее проявление. Стилистика рассматривает образность речи как особую стилевую черту, которая дает наиболее полное представление о художественном тексте. Попадая в художественный контекст, слово включается в сложную образную систему, которая выполняет эстетическую функцию и реализуется множеством образных средств. Более узкое понимание образности речи основано на использовании слов в переносном значении, которые в результате переноса изменяют или модифицируют основное значение, получая образное значение. В художественном контексте слова с переносным значением в какой-то степени теряют свою номинативную функцию и приобретают яркую экспрессивно-образную окраску.

Изучение образного значения слова направлено на выявление лексических приемов, придающих ему речевому контексту эстетико-художественное значение. К средствам словесной образности относятся прежде всего тропы: метафору, метонимию, синекдоху, олицетворение, образное сравнение, эпитет, гиперболу, а также синтаксико-поэтические фигуры: анафору, эпифору и другие.

Тропы – явление лексико-семантическое и стилистическое, это разные случаи употребления слова в переносном значении, но, как известно, не всякое переносное значение является для языкового сознания образным: *der Bergsattel*. Выступая как тропы, обыкновенные слова могут приобрести большую выразительную силу и используются лишь при описании необычных, исключительных предметов, ярких реалистических картин. Для стилистической оценки тропов важна не их условная “красивость”, а органичность в тексте, соотносимая с содержанием произведения, эстетическими задачами автора.

Одно из самых распространенных лексико-стилистических средств является метафора, перенос названия с одного предмета на другой на основании их сходства. Такое семантическое явление; вызванное наложением на прямое значение слова добавочного смысла, может стать главным в контексте художественного произведения. При этом прямое значение слова служит только основой для переноса значения.

В основе метафоризации лежит сходство самых различных признаков предметов: цвета, формы, положения в пространстве и времени. Метафорический перенос названия происходит также в результате развития значения слова, когда в системе значений у слова появляется новое, номинативное производное значение на базе основного: *Bügel*, *Stiel*. Однако эти языковые метафоры принципиально отличаются от поэтических.

В стилистике необходимо разграничивать языковые метафоры от индивидуально-авторских, которые обусловлены художественно конкретной речевой ситуацией. Индивидуально-авторские метафоры очень выразительны, источники их создания неисчерпаемы, как неограниченны возможности выявления сходства различных признаков, действий, состояний. Частое употребление метафор влечет за собой нанизывание новых метафор, связанных по смыслу с первой; в результате этого метафорическое значение расширяется. Развернутые метафоры привлекают особое внимание как яркий стилистический прием образной речи.

Стилистическим средством образности является метафора широкого употребления, можно сказать, с заранее готовой образностью, однако не утратившая свежести: *der goldene Herbst, heisse Zeit*. И лексическая, и стилистическая метафора является одним из основных признаков образного средства, характерного прежде всего для поэтической речи. Для создания неповторимой метафоры необходимо образное восприятие мира и особый талант.

Один из тропов, которые широко употребляются не только в художественной речи, но и публицистической является **олицетворение**, т.е. наделение неодушевленных предметов признаками и свойствами человека: *die Erde schläft*. Олицетворение – одно из важнейших средствообразности, которым пользуются при описании явлений природы, окружающих человека вещей.

Распространенным средством олицетворения является **персонификация**, при которой предметы наделяются не частными признаками человека, а обретают реальный человеческий облик: *der lachende und blühende Gebirgsbach*.

Отвлеченные конкретные художественные образы выражаются **метафоричной аллегорией**: *der junge Herr Frühling, Frau Sorge*.

Слово, образно определяющее предмет или действие, подчеркивающее характерное их свойство, выполняющее эстетическую функцию, употребительное в художественной речи является эпитетом, который нередко бывает метафорическим: *der fröhliche Strahl*. Эпитеты широко используются в публицистической речи, что обусловлено экспрессивной функцией публицистики: *helle Zukunft*.

Перенос названия с одного предмета на другой на основесмежности трактуется **метонимией**. Метонимию часто рассматривают как разновидность метафоры, однако между ними есть существенное отличие: при метафорическом переносе сопоставляемые предметы должны быть обязательно похожи, а при метонимии нет; метафору легко переделать в сравнение, метонимия этого не допускает. При метонимии предметы, объединяемые названием, логически связаны. Возможны самые различные смежности: название места употребляется для обозначения людей, которые там находятся: *die ganze Universität kam zum Jubiläum*; имя автора заменяет предмет, лицо: *Eine leserliche Hand schreiben – gute Handschrift haben*.

Синекдоха – разновидность метонимии, основанная на переносе значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними: *Die Menge zählte Tausend Köpfe*.

Перифраза – оборот, состоящий в замене названия предмета или явления описанием его существенных признаков или указанием на его характерные черты, широко используется помимо художественной, в публицистической речи: *Felderkönigin*.

При изучении тропов выявляются две контрастные формы выражения – речь художественная и нехудожественная, которые могут взаимодействовать. Образность заимствуется, качественно преобразуется, приспособляется к другим типам речи: например, в художественной прозе, в поэзии тропы служат для создания образа, в разговорной речи они непосредственно выражают эмоции говорящего.

Из функциональных стилей наиболее открыт для тропов публицистический стиль, в котором слово часто выполняет информативную и воздействующую функции. Однако цель метафоризации, например, в газетном языке, выражается не в индивидуальном видении мира и поэтическом самовыражении, а в том, чтобы довести до массового читателя объективную, всестороннюю и даже специфическую информацию. При этом метафора соответствует некоторым требованиям. Она не должна быть надуманной, неестественной, она должна отвечать закономерностям языка. Метафора имеет свойство быстро стираться от частого употребления и превращаться в штамп, стандарт. Именно такой процесс наблюдается в газетной речи, когда свежая, соотносимая с реальностью метафора становится шаблоном и теряет свою былую образность: *grüne Strasse, hohe Grenzen* или терминологизируется: *schwarzes Gold*. Элементы образной речи могут использоваться и в научном стиле, важнейшей отличительной чертой которого является однозначное выражение мысли языковыми средствами, что на лексическом уровне означает употребление принципиальных слов-понятий. И все же это не значит, что в научной речи нельзя встретить или употребить лексическую метафору, она встречается очень редко и притом в основном в публицистических или “популяризирующих” частях научного текста. Метафоры могут быть обязательны, иметь случайный, несистемный характер, узко контекстное значение и ощущаться как не собственно стилевые средства. В научном стиле наблюдается специфически рациональный подход к образной речи, и в этих условиях тропы перестают нести на себе отпечаток индивидуального употребления и метафорического средства научной прозы. В то же время отмечается постепенная формализация всех элементов, в том числе и эмоционально-оценочных, что приводит к стилистической нейтрализации тропов. Это касается, в первую очередь, терминов, которые нередко приходят в язык науки как метафоры: *Augenlinse*. По мере утверждения того или иного качества термина, с закреплением его нового, научно-понятийного значения, происходит нейтрализация метафоры, т.е. исчезновение ее образного значения, и завершение процесса терминологизации.

В официально-деловом стиле, представленном в реальной деловой сфере, обращение к тропам исключено. Лакоичность, точность и конкретность при описании событий в официально-деловой речи требует прямых значений и не допускает метафоричности. Объективность изложения, отсутствие эмоциональности – важнейшие отличительные черты делового стиля. Однако внимательное изучение разнообразных жанров этого стиля в различные временные периоды показывает, что и ему не чуждо использование экспрессивных языковых средств, в том числе тропов. Официально-деловой стиль качественно изменялся на протяжении своего исторического развития, под влиянием общественных событий варьировалась и экспрессивная окрашенность используемых в нем языковых средств жанров

общегосударственного масштаба (декретов, деклараций) в периоды особенно значительных социальных потрясений. Эти изменения сопровождались формированием как бы синтетического вида деловой речи, соединяющей в себе административную и художественно-публицистическую струю и имеющей торжественный, патетический характер.

Со временем язык официально-делового стиля обновился, отошла в прошлое оценочная лексика и патетика устаревших государственных документов, уступив место нейтрально-деловому стилю, современным деловым документам, основными определениями которых являются: ясность, конкретность изложения, отсутствие эмоционально-оценочных элементов. И все же обращение к тропам в них иногда оправдано и в наши дни. Современный деловой стиль не исключает разнообразия жанров. Некоторые из них испытывают влияние публицистических текстов и обуславливают употребление эмоционально-экспрессивной лексики, фразеологии и, наконец, различных тропов. Так, в дипломатических документах нередко можно встретить метафоры, метонимы и их разновидности. Это убеждает в том, что лексические образные средства могут быть отражением публицистических видов официально-деловых документов, в этом случае обращение к тропам не только не противопоказано, но и стилистически обосновано.

Таким образом, использование тропов практически возможно во всех функциональных стилях, обращение к экспрессивным языковым средствам мотивировано содержанием высказывания. Однако характер средств в различных условиях их употребления неодинаков: те или иные элементы образности, попадая из одних функциональных стилей в другие, воспринимают их особенности, не нарушая при этом общих закономерностей того или иного стиля.

Рассматривая образность как компонент коннотации наравне и в связи с эмоциональностью, образностью и экспрессией, считаем, что образность, прежде всего, связана с экспрессией: конечная цель обеих категорий – выразительность.

Эмоциональность и оценочность могут занимать различное положение в структуре лексического значения слова: входить в его понятийное смысловое ядро, и в этом случае мы имеем дело со словами, обозначающими эмоции и оценки: *Liebe-Hass, gut-schlecht*, или представлять “несущественные, но устойчивые признаки выражаемого им понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности” [1]. В структуру оценочных лексем включен эмотивный компонент: эмоционально-оценочная лексика, таким образом, обозначает оценку объекта, которая сопровождается эмоциональным переживанием. В настоящее время в лингвистике уделяют большое внимание роли эмоционально-оценочной лексики в структуре художественного произведения. Художественный текст полифункционален. В нем эстетическая функция наслаивается на целый ряд других – коммуникативную, экспрессивную, прагматическую, эмотивную, но не заменяет, а напротив, усиливает их. Язык художественного текста живет по своим собственным законам, отличным от жизни естественного языка, он имеет особые механизмы порождения художественных смыслов. Слово в художественном тексте, благодаря особым условиям функционирования, семантически преобразуется, включает в себя дополнительный смысл. Игра прямого и переносного значения порождает и эстетический, и экспрессивный, и образный эффекты художественного текста, делает этот текст образным и выразительным. Любой текст потенциально способен оказывать определенное воздействие на сознание и поведение читателя, так как именно экспрессивность содействует цели речевого сообщения, обеспечивая воздействие текста на реципиента. Количество экспрессивных образных средств в тексте еще не определяет экспрессивный эффект восприятия текста, а лишь повышает вероятность его возникновения. Более того, помимо специальных языковых средств, а именно эмотивных, образных, стилистически маркированных, экспрессивной может оказаться любая нейтральная единица языка в зависимости от целей автора, от коммуникативной ситуации. Эмотивный текст, благодаря особенностям своей семантики, способен полностью редуцировать логико-предметное значение слова, нейтрального в эмоциональном плане, и осознать его как контекстуальный эмотив или даже аффектив. Источники порождения эмотивности текста разнообразны и не всегда понимаются одинаково. Во-первых, основным источником эмотивности текста являются собственно эмотивные языковые средства, эмотивные ситуации. Способы манифестации эмотивных ситуаций в художественном тексте разнообразны: “от свернутых (семный конкретизатор, слово) и минимально развернутых (словосочетание, предложение) до максимально развернутых (фрагмент текста, текст)”. Во-вторых, основываясь на коммуникативном подходе, важнейшим источником эмотивности текста является его содержание. “Содержание текста является потенциально эмоциогенным, потому что всегда найдется реципиент, для которого оно окажется лично значимым. Эмоциогенность содержания текста – это, в конечном счете, эмоциогенность фрагментов мира, отраженных в тексте” [2, с. 169-194].

Таким образом, эмотивность есть лингвистическая категория, актуализирующаяся посредством художественного слова в любом отрезке текста. Эмотивное пространство текста представлено двумя уровнями – уровнем персонажа и уровнем его создателя-автора: “целостное эмотивное содержание предполагает обязательную интерпретацию мира человеческих эмоций (уровень персонажа) и оценку этого мира с позиции автора с целью воздействия на этот мир, его преобразования [2, с. 167]. В структуре образов персонажей и всего текста обнаруживается многообразие эмотивных смыслов и образных черт. Совокупность эмоций и образов в тексте – своеобразное динамическое “множество, изменяющееся по мере развития сюжета и отражающее внутренний мир персонажа в различных обстоятельствах [2, с. 67]”. При этом в эмоциональной сфере каждого персонажа выделяется “эмоциональный доминант” – преобладание какого-то эмоционального состояния, свойства, которые могут стать источником образности всего текста.

Литература:

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. – 2-е изд. / Апресян Юрий Дмитриевич. – М. : Языки русской культуры. – Т. 1, 1995.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного произведения / Бабенко Лидия Григорьевна. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – С. 165-180.
3. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова / Харченко Валентина Константиновна. – РЯШ, 1976, № 3. – С. 67-68.
4. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. – М. : Verlag “Hochschule”, 1975. – S. 212-223.